Есенин С.

29/IX-90

К 95-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

«...С ЛЮБОВЬЮ И ВЕРОЙ В ЕГО ПОБЕДУ»

В 1975 году в августовском номере журнала «Молодая гвардия» среди других были опубликованы и такие дарственные надписи С. Есенина:

«Милому Всеволоду с любовью и верой в его победу. С. Есенин. 1921».

«Милому Всеволоду всегда любящий Есенин».

Публикатор без всяких объяснений, как само собой разумеющееся, адресовал эти надписи писателю Всеволоду Иванову и датировал их декабрем 1921 г. В частности, писал: «Новые (здесь публикуемые) искрипты поэта Вс. Иванову относятся к декабрю 1921 года и свидетельствуют о том, что Есенин подружился с писателем сразу же после первого знакомства с ним (можно даже предположить, что эти надписи сделаны поэтом в день первой встречи с Вс. Ивановым)».

На основании каких данных эти надписи отнесены к Вс. Иванову, для читателя остается загадкой, равно как и определение даты их написания — декабрь.

Между тем трудно поверить, чтобы надпись «всегда любящий» могла быть сделана Есениным в первый день знакомства с человеком, который, как пишет Вл. Базанов, «лишь незадолго до этого приехал из Сибири учиться писательскому ремеслу».

При ближайшем рассмотрении оказывается, что надписи эти обращены к Вс. Э. Мейерхольду, с которым С. Есенина связывала большая творческая дружба, и дарственные надписи на «Пугачеве» — еще одно тому подтверждение. Но изложим все по порядку.

9 сентября 1919 года в письме к своей знакомой О. В. Сафоновой Вс. Э. Мейерхольд сообщает: «задумал написать две драмы «Улыбка Афанасия», посвящаемая Вам, другая — романтическая трагедия о Димитрии убиенном и иноке Григории. В последней пьесе я сотворю лишь сценарий, стихи даст друг мой Борис Алперс». Ставший впоследствии известным историком театра и театральным критиком Б. Алперс стихи по разработанному Вс. Э. Мейерхольду сценарию не написал.

«Потом,— вспоминал Мейерхольд,— я предлагал разработанный мною сюжет Сергею Есенину и Марине Цветаевой»... Марина Цветаева отказалась от сотрудничества с Мейерхольдом, о чем публично заявила в прессе. Есенин предложение принял.

В 1936 году на репетициях пушкинского «Бориса Годунова» Вс. Мейерхольд, объясняя сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», вспоминал, что когда в 1919 году он был арестован деникинской контрразведкой и «сидел в тюрьме в Новороссийске», то в руках у него оказался томик Пушкина с примечаниями историка Поливанова. «И я там,— говорил Мейерхольд,— сочинил сценарий, который потом предложил Есенину. Я сказал ему, что дам ему сценарий, и чтобы он на основании этого сценария написал драму в стихах».

В дошедших до нашего времени наметках репертуарных планов «Театра РСФСР-Первого» упоминается пьеса Вс. Мейерхольда, В. М. Бебутова и С. А. Есенина «Григорий и Димитрий» — несомненное свидетельство того, что предложение Мейерхольда было принято Есениным.

Вс. Мейерхольд заведовал в тот период художественной частью этого театра, а В. Бебутов — постановочной и был фактически его заместителем.

Есенин, приняв предложение Вс. Мейерхольда, приступил к его осуществлению. Иван Грузинов в воспоминаниях о Есенине рассказывает, что летом 1920 г. Есенин читал ему драматический отрывок, действующими лицами которого были «Иван IV, митрополит Филипп, монахи, и кажется опричники». Зарисовка фигур Ивана IV и Филиппа была, по свидетельству мемуариста, «близка к характеристике, сделанной Карамзиным в его «Истории государства Российского». «Иван IV и Филипп, если мне не изменяет память,— продолжает мемуарист,— говорят пятистопным ямбом. Два других действующих лица, кажется, монахи, в диалогах описывают тихую лунную ночь. Их речи полны тончайшего лиризма... Не знаю, сохранился ли этот драматический опыт Есенина». Драматический отрывок, упоминаемый И. Грузиновым, до сих пор не найден. Не располагая его подлинным текстом, нельзя говорить о его идейной направленности и тем более о его художественных достоинствах, но если верно свидетельство мемуариста, что зарисовка фигур Ивана IV и Филиппа «близка к характеристике, сделанной Карамзиным», то симпатии Есенина были не на стороне Грозного.

Обращение Есенина к героическим страницам борьбы русского народа за свою независимость в начале XVII века — несомненное свидетельство интереса поэта к сложным периодам отечественной истории, в которых решающую роль играли народные массы...

Пьеса не была написана. Может быть, Есенин, не желая следовать сценарию, разработанному Мейерхольдом, охладел к этому замыслу. «(...) поэты—люди гордые и любят выдумывать сами»,— скажет позднее Мейерхольд о неудаче с созданием этой пьесы.

Однако эта неудача не убавила интереса режиссера к поэзии и драматургии поэта. И он решил дать сценическую жизнь его драматической поэме «Пугачев».

После закрытия «Театра РСФСР-Первого» 14 января 1922 года Вс. Мейерхольд обратился в Коллегию Наркомпроса и Главполитпросвет с официальным письмом, в котором, сообщая об организации театра Главполитпросвета, писал, что составленная им труппа среди других пьес «предполагает осуществить на большой сцене постановку «Пугачев» — сочинение Сергея Есенина.

О намерении Вс. Мейерхольда дать сценическую жизнь есенинскому «Пугачеву» свидетельствуют многие современники. Среди них Игорь Ильинский: «...Маяковский был «футуристом», Есенин — «имажинистом». Общим у них был бунтарский дух, желание утверждать в жизни новый, свой, неповторимый поэтический стиль. Они хотели вынести свои стихи и читать их на площадях и бульварах... Немудрено, что Мейерхольд обратился к Маяковскому и Есенину как к первым своим драматургам. И они с радостью откликнулись, стремясь помочь становлению нового театра...»

По свидетельству И. Грузинова, Есенин заявлял себя сторонником театра Мейерхольда, который полагал, что главная роль в театре должна быть отведена слову, что, безусловно, было близко Есенину.

Но это была только одна сторона дела. Есенину, несомненно, импонировало в Мейерхольде не только отношение к поэтическому слову, но и его гражданская позиция. Есенин увидел в Мейерхольде человека близких идейно-творческих устремлений.

26 июня 1922 года решением художественного подотдела МОНО Театр революционной сатиры был преобразован в Театр революции, которым первые два сезона руководил Мейерхольд. И вновь есенинский «Пугачев» в планах этого театра. Он был утвержден к постановке в сезон 1923/24 года.

Есенина и Мейерхольда связывала большая личная дружба. Мейерхольд проявлял по отношению к нему редкостное внимание, заботу и предупредительность, не оставляя своего друга и в экстремальных ситуациях. М. Старцев, близко знавший Есенина, вспоминал:

«Успокоить взбудораженного вином Есенина было нелегко и редко кому удавалось. Умел только ладить с Есениным в такие моменты Мейерхольд. Как сейчас помню такую картину: после масленичных блинов, сдернутая Есениным на пол скатерть и посуда, разбежавшиеся по другим комнатам гости, в углу на кровати лежит Есенин, рядом с ним, обхватив его голову, нежно поглаживая по волосам, успокаивает его Мейерхольд. Через несколько минут Есенин приходит в себя, плачется—его все беспокоят, ему все надоедают, заставляют жить у всех на виду, — затем, обращаясь к Мейерхольду:

— Ты, Всеволод, гениальный, замечательный! Ты на меня не сердись. Это я так. Пройдет».

В феврале 1923 г. собираясь в заграничную поездку, Вс. Мейерхольд хотел повидаться там с Есениным. В письме к Ирме Дункан (приемной дочери Айседоры Дункан) он писал 9 февраля 1923 года:

«Уважаемая м-ль Ирма Дункан, прошу вас сообщить адрес мадам Айседоры Дункан и Сергея Александровича Есенина.

Говорят, они уже в Берлине. Мне необходимо застать их еще там, так как имею кое-какие поручения С. А. Есенину по делам литературным.

С приветом Вс. Мейерхольд».

Зная, что в те дни Мейерхольд был занят планами постановки есенинского «Пугачева», нетрудно догадаться, о каких литературных делах он намеревался говорить с Есениным.

После всего этого становятся понятны и надписи Есенина на «Пугачеве», и деталь, показавшаяся Вл. Базанову всего лишь «любопытной», почему С. Есенин сделал одному и тому же лицу две надписи на одной книге, и почему этой книгой оказалась драматическая поэма «Пугачев».

Виталий ВДОВИН.